

Завещание Екатерины I как основной фактор дворцового переворота 1730 г.

Научный руководитель – Кротов Павел Александрович

Алешин Денис Олегович

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: denis.aleshin.2016@inbox.ru

Традиционно в отечественной историографии под дворцовым переворотом 1730 г. принято понимать отказ Анны Иоанновны соблюдать до этого подписанные ею Кондиции за авторством Верховного тайного совета. Тем не менее, есть в зимних событиях того года ещё одно упускаемое подавляющим числом исследователей обстоятельство, из-за которого рассматриваемые политические явления можно оправданно назвать «дворцовым переворотом». Таковым фактором является завещание императрицы Екатерины I.

Как нам становится известно из протоколов заседаний Верховного тайного совета [5, с. 480, 508], впервые духовная грамота Екатерины Алексеевны была зачитана утром 7 мая - на следующий день после кончины императрицы - в присутствии императорской семьи, членов Совета, пяти духовных и тридцати трёх светских лиц. Завещание интересно нам потому, что в нём впервые в истории России устанавливался точно предписанный порядок занятия престола. Тем не менее, следует отметить, что ни один из шестнадцати параграфов духовной Екатерины I не содержит даже упоминания о потомках Иоанна V, не говоря уже об их правах на престол. Таким образом, можно сделать вывод, что одно только приглашение Анны Иоанновны на престол после скоропостижной смерти Петра II уже можно посчитать «дворцовым переворотом», поскольку тем самым члены Верховного тайного совета нарушили указанный «тестamentом» порядок наследования.

Отсюда возникает вопрос - почему верховники не последовали чёткой иерархии прав на российскую корону, прописанной в завещании Екатерины I? Как нам видится, самой главной из причин на то является вопрос о статусе и подлинности данного акта.

Что можно сказать о статусе «тестамента» Екатерины Алексеевны? Во-первых, широкие слои населения страны не были осведомлены не только о содержании духовной грамоты почившей царицы, но и о существовании завещания вообще [2, с.135]. Несведущее в деталях последней воли монархини и прописанной в ней иерархии претендентов на трон народ присягал Петру II по прежней форме, то есть императору и его наследникам, которые «по соизволению и самодержавной от её Бога данной власти определены». Во-вторых, летом 1727 г. по приказу Совета из государственных учреждений и у населения были изъяты все материалы, касающиеся петровского указа о престолонаследии [4, с. 831-832]. Таким образом, петровский устав 1722 г. - важнейший государственный акт - вроде бы признавался недействительным, а вроде бы и совсем не отменялся. В сложившейся ситуации в российском законодательстве образовалась значительная «яма» в области регулирования престолонаследия. В неё и «провалился» екатерининский «тестament», незнаемый народом и невыгодный временщикам, преследовавшим свои интересы.

Что касается подлинности и вообще существования документа, первым своё предположение на этот счёт выдвинул С.М. Соловьёв [6, с. 307]. Следуя теории С.М. Соловьёва и принимая во внимание многочисленные сведения иностранных послов, прибывавших в России на момент кончины Екатерины I [7] - нами предполагается, что оригинал завещания был составлен в соответствии с волей умирающей императрицы членами свиты её зятя - герцога Голштинского - Бассевичем и Штамбке на немецком языке. Однако Екатерина

Алексеевна скончалась до того, как был составлен полный перевод бумаги на русский. В данной ситуации с подачи князя Меншикова и герцога Голштинского А.В. Макаровым [3, с. 25] в кратчайшие сроки был составлен некий «экстракт» из важнейших на тот момент для государства пунктов духовной грамоты монархини, который достоверно известно был подписан рукой Елизаветы Петровны, а не её матери [2, с. 133]. Существование «исправленного» русского варианта вызывает у нас определённые сомнения, поскольку на его существование нет ни единого намёка, а в источниках отложились лишь сведения касательно так называемой «выжимки», дошедшей до нас, судя по всему, лишь в копиях, произведённых секретарём Совета В. Степановым и канцлером Г.И. Головкиным в день объявления «тестаментов». Оригинал же данного «экстракта», вероятно, был истреблён Анной Иоанновной, поскольку последнее упоминание о нём - это приказ новой императрицы доставить ей данный акт из Коллегии иностранных дел в августе 1730 г. Судьба же самого первого, «немецкого», варианта завещания, предположительно, через «Иностранную коллегию» оказался в руках А.И. Остермана, что частично подтверждается материалами его допроса в 1741 г. и его «Реестром писем и бумаг» [1, с. 24-25], и там пропал, вероятно, уничтоженный самим Остерманом, опасавшимся опалы.

Таким образом, ещё в 1727 г., на момент смерти Екатерины I, уже были вопросы относительно правомерности её завещания. Даже наиболее близкие к престолу современники не вполне могли ответить: что считать оригиналом? был ли таковой вообще?

Подводя итог исследования, можно сделать вывод, что ситуация, подобная сложившейся вокруг важнейшего государственного акта, ясно показывает отсутствие как прочных правовых традиций, так и элементарного порядка в важнейшем вопросе российской государственности - престолонаследия. Если в 1727 г. «партии» смогли договориться и приняли завещание в качестве правомерного акта, то в 1730 г. ситуация кардинально изменилась. Спорные статус и происхождение документа, неосведомлённость поданных либо о деталях «тестаментов», либо о его существовании вообще, отсутствие правомочных персон-гарантов, способных отстоять легитимность духовной грамоты, а также открытое противостояние придворных группировок, преследовавших свои цели, сделали следование завещанию Екатерины I в сложившейся в январе 1730 г. ситуации менее всего вероятным и освободили путь к престолу таким претендентам, как Анна Иоанновна, что и произошло с подачи сговорившихся членов Верховного тайного совета.

Источники и литература

- 1) К.И. Арсеньев. Царствование Екатерины I. СПб., 1856, 91 с.
- 2) И.В. Курукин. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России 1725-1762 гг. СПб., Наука, 2019, 754 с.
- 3) Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис: ежегодник истории права и правоведения. М., ВЮЗИ, 1986, 91 с.
- 4) Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. М., Юридический центр, 2012, Т. 7, 922 с.
- 5) Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730 гг. // Сборник РИО под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889, Т. 63. 210 с.
- 6) Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль. 1992. Т. 10. 849 с.
- 7) Kirchner W. The Death of Catherine I of Russia // American Historical Review. 1946. № 51. P. 254-261.